

ГОВОРИ

Перевод Александры Глебовской

Лори Холмс Андерсон 18+

Popcorn books. Rebel

Лори Холс Андерсон

Говори

«Popcorn books»

1999

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Андерсон Л.

Говори / Л. Андерсон — «Popcorn books», 1999 — (Popcorn books. Rebel)

ISBN 978-5-6048363-6-1

Первый год в старшей школе Мерриуэзер складывается для Мелинды Сордино наихудшим образом. Друзья возненавидели ее за то, что она вызвала полицейских и сорвала вечеринку в конце летних каникул. Теперь Мелинда изгой. Поэтому она решает замолчать – раз и навсегда. Единственное, в чем она находит спасение, – уроки рисования. С их помощью Мелинда пытается осмыслить тот кошмар, который ей пришлось пережить на вечеринке. В конце концов ей придется столкнуться лицом к лицу со своим самым большим страхом и начать говорить правду.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-6048363-6-1

© Андерсон Л., 1999
© Popcorn books, 1999

Содержание

Слушай	6
Первая четверть	9
Добро пожаловать, старшекласники	9
У нас лучшие учителя...	11
У всех на виду	12
Убежище	13
Español	15
Домашка	16
Наш бесстрашный лидер	18
Физра	19
Друзья	20
Мне хезерно	22
Прятаться	23
Добыча дьяволов	24
Чирлидерши	26
Антоним «вдохновения»... «выдохновение»?	27
Спектакли	28
Театр за ужином	30
Синие розы	31
Ученик в скобках смятения равняется алгебре	32
Хэллоуин	33
Имя имя имя	34
Марты	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лори Холс Андерсон

Говори

SPEAK by Laurie Halse Anderson

Copyright © 1999 by Laurie Halse Anderson

Published by arrangement with Farrar Straus Giroux Books for Young Readers, an imprint of Macmillan Publishing Group, LLC. All rights reserved.

Cover illustration by Max Reed

© А. Глебовская, перевод на русский язык, 2022

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2023

Дорогие друзья!

Двенадцать лет? С публикации «Говори» прошло двенадцать лет?

Не может быть.

Да, я с тех пор вырастила четверых детей. Трижды переезжала. Написала шесть романов. На лице у меня стало больше морщин, на костях – мяса. Но двенадцать лет? Не верю.

А невозможным мне это кажется потому, что в глубине души я осталась четырнадцатилетней. Отчетливо помню, как испытывала все те же чувства, что и Мелинда, – и до сих пор удивляюсь, глядя на дату выдачи в своих водительских правах. Помню тревоги, волнение, смятение. Помню, каково это, когда тебе затыкают рот.

Как и многие из вас.

За прошедшие десять лет я выступила с рассказами о своей книге перед полумиллионом школьников, если не больше. Я сбилась со счета, сколько мне прислали живых и электронных писем, а уж слез, пролитых на моем плече читательницами, которым проблемы Мелинды особенно близки, мне и вовсе не сосчитать. Вам всем очень хочется говорить. Было бы еще рядом побольше взрослых, готовых слушать.

Хочется думать, что «Говори» хоть немного помогает вам обрести голос. Но эта книга – только инструмент. Настоящие герои – это те из вас, которые добрались до самых глубин, до давних страхов, позора, депрессии, гнева – и нашли в себе смелость об этом рассказать. Их я уважаю от всей души.

Майя Анджелу пишет в своей книге «Сердце женщины»: «Если повезет, одна-единственная фантазия способна в корне изменить миллион реальностей».

Мне не просто повезло. Эта книга помогла целому поколению читателей сделать несколько шагов по долгой дороге взросления. А вы, в свою очередь, помогли мне идти по моей дороге. Какое же это счастье.

Никогда не теряйте смелости. Говорите.

Лори

Слушай

Вы пишете нам

из Хьюстона, Бруклина, Райя в штате Нью-Йорк,
Лос-Анджелеса, из Вездеиповсюду в Штатах на электронную почту в My
Space Face
Book

шепчет живой журнал
сто тысяч нашептанных слов Мелинде и
мне.

Вы:

И меня изнасиловали
это было в седьмом классе
в десятом, летом после выпуска
на вечеринке.
мне было шестнадцать
мне было четырнадцать
мне было пять, продолжалось три года
я его любила
я его и не знаю.

Это брат лучшей подруги,
дедушка, папа, мамин бойфренд,
знакомый
родственник
тренер
в тот вечер с ним познакомились, и...
они вчетвером один за другим, и...
я парень, со мной тоже было, и...
...Я забеременела, от дочери отказалась.....
с тобой это тоже было?

Тоже?

Вы:

меня не насиловали, но
отец пьет, но
не могу говорить, но
брата убили, но
я совсем одна, но
родители развелись, но
все вместе, я одна, но
нас выселили из дому, но
у меня есть тайны – скопились за семь лет
и я режу вены
друзья тоже режут
мы режем режем режем
чтобы вытекла боль
...пятого двоюродного братишку изнасиловали – он слетел с катушек...
а вы думаете о самоубийстве?
хотите его убить?

Вы:

Мелинда как одна моя подруга

нет она скорее как

(я)

я МелиндаСара

я МелиндаРожелио я МелиндаМеган

МелиндаЭмберМелиндаСтивенТориФилиппНавдияТиараМатеоКристинаБет

все еще больно, но

но

но

но

книга проникла под кожу

все еще больно от боли, но

ваша книга проникла под кожу.

Вы:

Я читала и плакала.

Я читала и смеялась —

я дура?

Я села с этой девчонкой...

ну, с этой девчонкой...

села рядом с этой девчонкой, с ней никто не садится

а я чирлидерша, так что вот.

«говори» изменила мою жизнь

проникла под кожу

я стала думать

про вечеринки

у меня

крылья от этой книги

я открыла рот

шепотом, в голос

закатала рукава я

не могу говорить, но

я пытаюсь.

Вы мне напомнили, кто я есть.

Спасибо.

P. S. Мы в классе будем это анализировать до смерти.

Я:

Я:

Я: *в слезы.*

Стихотворение, за вычетом первой и последней строфы, составлено из строк и слов, взятых из тысяч электронных и обычных писем, которые Лори получила за последние двенадцать лет.

Хочу от души поблагодарить тех, кто прочитал черновые варианты романа и помог мне продолжить работу:

Союз детских писателей округа Бакс, Марни Брукс, Хиллари Хомзи, Джоани Пулья, Стефани Андерсон, Мередита Андерсона и Элизабет Майксел, талантливого и чуткого редактора.

Спасибо, спасибо.

*Посвящается Сэнди Бернстайн – она помогла мне обрести голос и
моему мужу Грегу – он слушает*

Первая четверть

Добро пожаловать, старшеклассники

Первое утро в старшей школе. Что это значит? Семь новых тетрадок, идиотская юбка и резь в желудке.¹

Школьный автобус подкатывает к моему углу. Дверь открывается, я захожу. Внутри пока пусто. Водитель трогается, а я еще стою в проходе. Куда сесть? На заднем ряду я не привыкла. Пойду в середину – может подсесть кто-то незнакомый. Сяду впереди – решат, что я маленькая, но, с другой стороны, так я хоть встречусь взглядом с кем-то из друзей, если они вдруг надумают со мной поговорить.

Ученики заходят по четыре-пять человек. Двигаются по проходу, и те, с кем мы в средней школе делали лабораторные или ходили в спортзал, бросают на меня злые взгляды. Я закрываю глаза. Этого и боялась. Вот последняя остановка, и только я осталась без соседа.

На подъемах водитель переключает передачу. Двигатель лязгает, в ответ парни на заднем ряду матерятся. Кто-то переборщил с одеколоном. Я пробую открыть окно, но задвижку заело. Парень, сидящий сзади, разворачивает завтрак, швыряет обертку мне в затылок. Обертка падает мне на колени – типа смешно.

Рабочие закрашивают вывеску перед школой. До кого-то из школьного совета доперло, что «Троянцы» – название презервативов, и наше самоназвание решили поменять на «Синих дьяволов». Тоже не ах, но хотя бы понятно, о чем речь. Цвета нашей школы останутся прежними – серый и красный. И совету не придется раскошелиться на новую форму.²

Ученикам постарше разрешают валандаться где хочешь до самого звонка, а девятиклассников сгоняют в актовыв зал. Мы тут же разбиваемся на кланы: «Качки», «Выпендрейчики», «Ботаники», «Чирлидерши», «Человеческие отбросы», «Понаехали тут», «Будущие фашисты Америки», «Блондинки», «Вашим и нашим», «Страдающие художники», «Трагики», «Готы», «Громильы». Я без клана. Последние недели августа я убила на то, что смотрела дурацкие мультики. Не появлялась в супермаркете, на озере, в бассейне, не отвечала на звонки. В старшую школу я явилась не с той прической, не в той одежде, не с теми мыслями. Подсесть мне не к кому.

Я – Сама по Себе.

Искать бывших друзей бессмысленно. Наш клан, «Простушки», распался, обломки втягиваются во фракции-конкуренты. Николь прибилась к «Качкам», они сравнивают травмы от летних соревнований. Айви челночит между «Страдающими художниками» с одной стороны прохода и «Трагиками» – с другой. С нее станется пристать к обоим. Джессика переехала в Неваду. Невелика потеря. Она в основном только с Айви и дружила.

За спиной у меня ржут так громко, что я понимаю: ржут надо мной. Не удержаться. Поворачиваюсь. Это Рейчел, а вокруг нее девчонки, которые покупали одежду явно не в нашем задрипанном супермаркете. Рейчел Брюйн, моя бывшая лучшая подруга. Смотрит куда-то мне за левое ухо. К горлу подползают слова. Мы с ней вместе страдали в скаутских лагерях, она научила меня плавать, все понимала про моих родителей, не смеялась над моей комнатой. Если

¹ Старшая школа (High School) в США – это последние четыре года среднего образования, как правило, в возрасте от 14 до 17 лет; обучение в старшей школе начинается с девятого класса. Старшая школа отделена от начальной и средней, то есть ученики приходят в новое здание к новым учителям, меняется и состав учащихся. *Прим. перев.*

² Имеются в виду две известные американские футбольные команды.

есть в этой галактике человек, которому мне до боли хочется все рассказать, то это Рейчел. В горле жжет.

Она на миг встречается со мной взглядом. «Ненавижу тебя», – произносит без звука. Поворачивается ко мне спиной, смеется с подругами. Я закусываю губу. Не буду про это думать. Мерзко, но все уже позади, и я не буду про это думать. На губе проступает кровь. Металлического вкуса. Нужно присесть.

Я стою в центральном проходе актового зала, раненая зебра из статьи в «Нэшнел джио-график», ищу кого-нибудь, хоть кого, с кем можно сесть рядом. Приближается хищник: короткая серая стрижка качка, на шее свисток, шея шире черепа. Может, учитель по обществознанию, которого наняли тренировать любителей кровавого спорта.

Мистер Череп:

– Садись.

Плюхаюсь куда попало. Еще одна раненая зебра поворачивается, улыбается мне. Во рту у нее ортодонты нашуровали тысяч на пять, зато туфли супер.

– Я Хезер, из Огайо, – говорит она. – Новенькая тут. А ты?

Ответить я не успеваю. Свет гаснет, начинается промывка мозгов.

ПЕРВЫЕ ДЕСЯТЬ ПУНКТОВ, ПО КОТОРЫМ ВАМ ВРУТ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ

1. Наше дело – вам помогать.
2. У вас всегда хватит времени попасть в класс до звонка.
3. За соблюдением дресс-кода будут строго следить.
4. Курение в школе запрещено.
5. Наша футбольная команда в этом году выиграет чемпионат.
6. Здесь от вас ждут большего.
7. Ваш тьютор всегда готов вас выслушать.
8. Расписание составляли ради вашего удобства.
9. Шифр от вашего шкафчика никто не знает.
10. Вы будете вспоминать эти годы с радостью.

Мой первый урок – биология. Класс я найти не могу и получаю первое замечание за то, что шатаюсь по коридору. 8:50 утра. До выпуска 699 дней и 7 уроков.

У нас лучшие учителя...

У учительницы английского нет лица. Нечесанные колючие патлы падают на плечи. От пробора до ушей они черные, дальше, до посеченных концов, неоновно-оранжевые. Я не могу решить, то ли она довела свою парикмахершу, то ли постепенно превращается в махаона. Буду звать ее Волосатой.

Волосатая убивает двадцать минут на переключку, потому что отказывается на нас смотреть. Сидит, нагнувшись над столом, так что лицо занавешивают патлы. Оставшуюся часть урока она пишет на доске и зачитывает в пустоту список обязательной литературы. Хочет, чтобы мы каждый день делали записи в дневниках, но обещает, что читать не будет. Я пишу про то, какая она неадекватка.

На обществоведении тоже нужно вести дневник. Видимо, им эти дневники продали с хорошей скидкой. В девятый раз за девять лет изучаем американскую историю. Будут проверять, как мы читаем карту, неделя на индейцев, Христофор Колумб ко Дню Колумба, переселенцы ко Дню благодарения. Каждый год говорят, что мы доберемся до современности, но мы всегда застреваем на Промышленной революции. В седьмом классе доплелись до Первой мировой войны – кто б мог подумать, что была война со всем миром? Нужно побольше каникул, чтобы учителя обществознания успевали следить за новостями.

У меня обществоведение ведет Мистер Череп, тот самый, который рявкнул, чтобы я села. Теперь он ко мне особенно ласков:

– Я тебя приметил. Сядь на первую парту.

И я рада вас видеть снова. Наверняка страдает от посттравматического расстройства. Вьетнам или Ирак – одна из этих войн в телевизоре.

У всех на виду

После обществоведения отыскиваю свой шкафчик. Замок не сразу, но открывается. Вливаюсь в поток, который направляется обедать, и плыву по коридору до самой столовой.

Знаю по опыту, что в первый день в старшей школе еду с собой лучше не приносить. Не знаешь же заранее, как тут принято. Бумажные пакеты – скромно, как положено на окраинах, – или суперские пластмассовые контейнеры? Термомешки – они что: хипстерская потуга спасти планету или признак мамы-наседки? Остается одно – купить себе еды. Заодно успеваю осмотреть зал на предмет благожелательного лица или незаметного уголочка.

Полный обед – индейка с порошковым пюре и соусом, квелый зеленый салат и печенье. Как попросить что-то другое, я не знаю, так что просто поддвигаю поднос и жду, когда его загрузят. Двухметровый старшеклассник передо мной как-то умудряется раздобыть три чизбургера, чипсы и два шоколадных рулета, причем без единого слова. Видимо, морзянка с помощью глаз. Нужно разобраться. Иду за Баскетболиной в зал.

Вижу кое-кого из друзей – раньше их считала друзьями, – но они все отворачиваются. Думай, думай быстрее. Вон эта новенькая, Хезер, читает у окна. Можно сесть напротив. Или забиться за мусорный бак. Или сразу выбросить в него свой обед и напрямиком к двери.

Баскетболина кивает друзьям – они заняли целый стол. Понятное дело. Баскетбольная команда. Они приветственно матерятся – странный способ поздороваться, принятый у прыщавых парней-спортсменов. Он улыбается, кидает им рулет. Я пытаюсь проскользнуть мимо.

Шмяк! Шматок пюре с соусом шлепается мне прямо на середину груди. Все разговоры умолкают, вся столовая фыркает, лицо мое выжигается у них на сетчатке. Теперь быть мне навеки «этой, которую в первый день пюре заляпали». Баскетболина извиняется и говорит что-то еще, но четыреста человек начинают ржать одновременно, а читать по губам я не умею. Бросаю поднос и рывком к двери.

Из столовки выскакиваю на такой скорости, что тренер по легкой атлетике сразу застолбил бы меня в университет. Не свезло – дежурный по столовой нынче Мистер Череп. А Мистеру Черепу до лампочки девицы, способные пробежать стометровку меньше чем за десять секунд, если только при этом в ногах у них нет футбольного мяча.

Мистер Череп:

– Вот и встретились снова.

Я:

А станет он слушать, если сказать: «Мне нужно пойти домой переодеться» или «Вы видели, что натворил этот козел»? Разбежалась. Я молчу.

Мистер Череп:

– И куда это ты собралась?

Я:

Проще без ответа. Закрывать варежку, молчать в тряпочку, заткнуться. Вся эта хрень по телевизору – про нужно разговаривать и выражать свои чувства – вранье. Никто на самом деле не хочет слушать, что ты там имеешь сказать.

Мистер Череп делает пометку в блокноте.

– Я тебя увидел и сразу понял: беда. Я тут двадцать четыре года работаю, в глаза посмотрел – и сразу понял, что у учащегося в голове. Больше предупреждать не буду. Пишу тебе замечание за то, что шляешься по коридору без разрешения.

Убежище

Обед сменяется уроком рисования, как кошмар тихим сном. Класс в дальнем конце здания, там высокие окна, выходящие на юг. Солнце в Сиракузах большая редкость, поэтому класс построили так, чтобы света туда попадало побольше. Здесь пыльно, но каким-то опрятным образом. На полу присохшая краска во многих слоях, на стенах наброски: психованные подростки и толстые щенки, на полках тонны глиняных горшков. По радио – моя любимая станция.

Мистер Фримен настоящий урод. Здоровенное тело престарелого кузнечика, прямо такой цирковой ходок на ходулях. Нос – кредитка, засунутая между глаз. Но когда мы заходим, он нам улыбается.

Сам он скрючился над гончарным кругом, руки в красной глине.

– Добро пожаловать на единственный предмет, который учит выживанию, – говорит он. – Добро пожаловать в мир Искусства.

Я сажусь за парту поближе к его столу. На этом уроке мы вместе с Айви. Она сидит у двери. Я не свожу с нее глаз, пытаюсь заставить ее взглянуть на меня. Такое показывают в кино – человек чувствует, когда на него смотрят, помимо воли оборачивается и что-то говорит. Но либо вокруг Айви силовое поле, либо лазер моего взгляда слабоват. Она не оглядывается. Вот бы сесть с ней рядом. Она разбирается в искусстве.

Мистер Фримен останавливает круг и, не вымыв рук, берет кусок мела. «ДУША» – пишет он на доске. С надписи сухой кровью стекает глина.

– Именно здесь вы сможете, если дерзнете, отыскать свою душу. Сможете прикоснуться к той части себя, на которую никогда не дерзали взглянуть. Не надо меня просить показать вам, как рисуют лицо. Просите помочь вам поймать нужный ветер.

Я украдкой оглядываюсь. Телеграф системы «брови» работает вовсю. Дядя больной на голову. Он наверняка видит, наверняка знает, что мы думаем. Но не умолкает. Говорит, что мы закончим школу, умея читать и писать, потому что потратили миллион часов на то, чтобы обучиться читать и писать. (Тут бы я с ним поспорила.)

Мистер Фримен:

– А не лучше ли было бы потратить это время на искусство: живопись, ваяние, графику, пастель, масло? Неужели слова и цифры важнее образов? Кто это сказал? Алгебра что, способна довести до слез? (Поднимаются руки – решили, что он ждет ответов.) Страдательный залог что, способен выразить сокровенные чувства? Если вы сейчас не приобщитесь к искусству, вы так и не научитесь дышать!

И дальше в том же духе. Если он не уверен в ценности слов, зачем столько их тратит? Я на некоторое время отключаюсь, всплываю вновь, когда он поднимает повыше огромный глобус, на котором не хватает половины северного полушария.

– Может мне кто сказать, что это такое?

– Глобус? – неуверенно раздается с задних рядов.

Мистер Фримен закатывает глаза.

– Дорогая скульптура, которую кто-то из учеников уронил, а потом платил из своих денег – иначе ему не выдали бы аттестат? – предполагает кто-то еще.

Мистер Фримен вздыхает.

– Никакого воображения. Вам сколько там, тринадцать лет? Четырнадцать? Вы уже позволили выбить из вас весь творческий потенциал! Это старый глобус, я давал его дочерям – попинать по мастерской, когда на улице было слишком мокро. И вот однажды Дженни стукнула ногой по Техасу, и все Соединенные Штаты рухнули в море. И вуаля – идея! Этот слованный шарик воплощает в себе очень мощные символы – можно нарисовать, как люди убе-

гают из этой дыры, а пес с мокрой пастью откусывает кусок Аляски – тут море возможностей. Ценнейшая вещь, но вы мне достаточно важны, чтобы с вами ею поделиться.

Чего?

– Каждый из вас достанет из глобуса по кусочку бумаги. – Он обходит класс, и мы все достаем из центра Земли по красному клочку. – На каждом кусочке написано слово, название предмета. Надеюсь, вам он понравится. До конца года вы будете превращать этот предмет в произведение искусства. В скульптуру. В набросок, папье-маше, резьбу по дереву. Если в этом году я все-таки помирюсь с учителем информатики, вы сможете заниматься дизайном в компьютерном классе. Но главное вот что: к концу года каждый должен сообразить, как заставить свой предмет разговаривать, выразить определенную эмоцию, говорить с каждым из тех, кто на него посмотрит.

Слышны стоны. А у меня екает сердце. Неужели правда? Очень уж здорово звучит. Он останавливается у моей парты. Я запускаю руку на самое дно глобуса, вытаскиваю бумажку. «Дерево». Дерево? Слишком просто. Рисовать дерево я научилась еще во втором классе. Лезу за другой. Мистер Фримен качает головой.

– Не-а, – говорит он. – Ты выбрала судьбу, поздно ее менять.

Вытаскивает из-под гончарного круга ведро с глиной и кусками величиной в кулак кидает ее каждому. Потом делает радио погромче и смеется:

– Вот путешествие и началось.

Español

Учительница испанского решила весь год вообще не разговаривать с нами по-английски. Это и смешно, и полезно – так проще ее игнорировать. Общается она выразительными жестами и мимикой. Не урок, сплошные шарады. Она произносит фразу по-испански, подносит ладонь ко лбу тыльной стороной.

– У вас температура! – орет кто-то с места.

Она качает головой, повторяет тот же жест.

– У вас голова кружится!

Нет. Она выходит в коридор, влетает в дверь – деловитая, рассеянная. Поворачивается к нам, будто бы удивляется, потом снова подносит ладонь ко лбу.

– Вы заблудились!

– Вы сердитесь!

– Вы пришли не в ту школу!

– Вы попали не в ту страну!

– Вы не на той планете!

Она пробует еще раз, так въезжает себе в лоб, что даже покачивается. Лоб уже по цвету как губная помада. Догадки продолжают поступать:

– Вы не можете поверить, что нас тут так много!

– Вы разучились говорить по-испански!

– У вас мигрень!

– У вас будет мигрень, если мы не догадаемся!

Она в отчаянии записывает на доске: «Me sorprende que estoy tan cansada hoy». Никто не знает, что это значит. Мы не понимаем по-испански – затем и пришли, чтобы научиться. Наконец какой-то умник достает испано-английский словарь. Остаток урока мы пытаемся перевести это предложение. К звонку получается вот что: «Устать день удивить».

Домашка

Первые две недели проходят без термоядерной катастрофы. Хезер из Огайо подсаживается ко мне за обедом, звонит, чтобы обсудить домашку по английскому. Говорить она может часами. Мне только и надо, что придерживать телефон возле уха и время от времени хмыкать, одновременно щелкая каналами в телевизоре. Рейчел, да и вообще все, кого я знаю уже девять лет, продолжают меня игнорировать. В коридорах меня часто толкают. Несколько раз внезапно вырывали из рук учебники и бросали на пол. Я стараюсь не заикливаться. Рано или поздно прекратится.

В первое время мама довольно ловко готовила ужин с утра и ставила в холодильник, но я знала, что долго это не продлится. Дома меня ждет записка: «Пицца. 555–4892. Много чаевых не давай». К записке прищиплена двадцатка. У нас в семье отличная система. Мы общаемся с помощью записок на кухонном столе. Я пишу, когда мне нужна канцелярия или надо съездить в супермаркет. Они пишут, когда придут домой и что нужно достать из морозильника. А чего еще говорить-то?

У мамы опять проблемы с персоналом. Мама моя директор в «Эфферте», магазине одежды в центре. Начальник предложил ей филиал, который в супермаркете, но она отказалась. Видимо, ей нравится, как реагируют, когда она говорит, что работает в центре.

– А тебе не страшно? – спрашивают ее. – Я бы ни за что не согласилась.

Маме нравится делать то, от чего другим страшно. Из нее получилась бы отличная укротительница змей.

Но в магазин, расположенный в центре, трудно найти сотрудников. Опять что-то сперли, какой-то хрен написал на входной двери, случаются вооруженные ограбления – поди уговори на такую работу. Вот так-то. Вторая неделя сентября, а у мамы уже Рождество в мыслях. Только и думает, что про пластмассовые снежинки и Санта-Клаусов в красных бархатных костюмах. Если и в сентябре с сотрудниками труба, так что ж будет ближе к праздникам.

Обед я заказываю в 15:10, ем его на белом диване. Не знаю, кто из родителей двинулся кукухой, когда они покупали этот диван. Едят на нем так: поел – перевернул подушки грязной стороной вниз. У дивана два лица: «Мелинда лопает пеперони с грибами» и «В гостиной вообще никакой еды, ясно?». Я жую и смотрю телевизор, пока к дому не подкатывает папин джип. Плюх, плюх, плюх – подушки повернулись красивыми белыми сторонами, сама я бегом наверх. Папа только открыл дверь – а дом уже выглядит таким, каким он хочет его видеть, и меня в нем нет.

В комнате моей обитает инопланетянка. Выглядит она в точности так, как я в пятом классе. У меня, похоже, случилось помрачение мозгов, и я решила, что все должно быть в розочках и вообще розовый – отличный цвет. В этом виновата Рейчел. Она выпросила у мамы разрешение отремонтировать свою комнату, в результате мы обе все у себя поменяли. Николь отказалась напяливать на ночник дурацкую юбочку, а Айви, как всегда, не стала останавливаться на полдороге. Джессика выбрала стиль «чокнутый ковбой». Я застряла посередине, подтибрив у всех понемножку. Единственное, что тут чисто моего, – коллекция мягких игрушек-зайчиков, которую я собрала в детстве, и кровать под балдахином. Сколько Николь меня ни дразнила, балдахин я так и не сняла. Теперь я подумываю, не переклеить ли обои в розочках, но мама обязательно встрянет, папа полезет измерять стены, и они поругаются насчет цвета. Да и в любом случае я не знаю, чего хочу.

Какая там домашка. Кровать так и сигналист: вздремни. Ей не откажешь. Пухлые подушки и теплое одеяло сильнее меня. Ничего не остается, кроме как залечь на боковую.

Слышу: папа включил телевизор. Блям, блям, блям – бросает кубики льда в бокал с тяжелым дном, наливает спиртное. Открывает микроволновку – пицца, наверное, – захлопывает,

пищит таймером. Я включаю свое радио – пусть знает, что я дома. Спать я не собираюсь. Есть у меня промежуточная остановка на полдороге ко сну, и там я могу зависать часами. Не нужно даже закрывать глаза, просто лежишь в безопасности под одеялом и дышишь.

Папа делает телевизор громче. Диктор из новостей орет:

– Пятеро погибли при пожаре в доме! Нападение на молодую девушку! В перестрелке на заправке подозревают подростков!

Я кусываю чешуйку кожи с нижней губы. Папа перескакивает с канала на канал, раз за разом смотрит одни и те же сюжеты.

Я вижу себя в зеркале на противоположной стене. Уф. Волосы полностью скрылись под одеялом. Ищу на лице какие-то образы. Может, вставить лицо в дерево, как дриаду из греческих мифов? Два глаза – мутные круги под черными росчерками бровей, ноздри как на поросячем пяточке, рот – изжеванный ужас. Уж точно не дриада. Никак не могу перестать кусать губы. Мне кажется, что мой рот принадлежит другой девчонке и я ее даже не знаю.

Вылезаю из постели, снимаю зеркало. Убираю подальше в шкаф, лицом к стене.

Наш бесстрашный лидер

Прячусь в туалете, жду, когда минует опасность. Выглядываю в дверь. Директор Директор заметил в коридоре еще одного провинившегося ученика.

Директор Директор:

– А где справка об опоздании, мистер?

Провинившийся Ученик:

– Я за ней как раз иду.

ДД:

– Ходить по коридору без справки не разрешается.

ПУ:

– Знаю и очень волнуюсь. Поэтому и спешу, за справкой.

Директор Директор замирает, лицо у него как у Даффи Дака, которого в очередной раз обдурил Багз.

ДД:

– Ну давай тогда живо за справкой.

Провинившийся Ученик шпарит по коридору – улыбается, машет рукой. Директор Директор уходит в противоположную сторону, проигрывая в голове разговор, пытаюсь сообразить, что пошло не так. Я слежу за ним и смеюсь.

Физра

Я бы физкультуру вообще запретила. За унижительность.

Мой шкафчик в раздевалке у самой двери, переодеваться приходится в кабинке в туалете. У Хезер из Огайо шкафчик рядом с моим. Она надевает форму заранее, под одежду. После урока снимает шорты, а футболку оставляет. Я даже переживаю за девчонок из Огайо. Их что, заставляют носить нижние футболки?

Из всех девчонок на этом уроке я знаю только Николь. В старом клане мы особенно не дружили. Когда начались занятия, она едва мне что-то не сказала, но вместо этого опустила глаза и стала завязывать шнурки на кроссовках. У Николь большой шкафчик в укромном, хорошо проветриваемом углу, потому что она в школьной футбольной команде. И переодеваться на людях ей пофиг. Она даже лифчик меняет: в одном, спортивном, ходит на все уроки, в другом – на физкультуру. Никогда не краснеет, не отворачивается, просто стоит и переодевается. Качки – они, видимо, все так. Если ты сильный, тебе плевать, что там говорят про твои титьки и задницу.

Конец сентября, мы начали играть в хоккей на траве. Хоккей на траве – штука грязная, в него играют в сырые пасмурные дни, когда того и гляди пойдет снег. И кто до этого додумался? Николь на поле просто зверь. Носится с такой скоростью, что за ней образуется стена вздыбленной грязи, которая окатывает всех, кто попадет на пути. Она как-то хитро дергает запястьем, и мяч летит в ворота. Николь улыбается и бежит обратно в центр поля.

Николь супер во всем, где есть мяч и свисток. В баскетболе, софтболе, лякроссе, футболе, волейболе, регби. Во всем. И на нее посмотреть – это совсем не сложно. Даже парни глядят на нее и учатся. Ну и еще она смазливая, это тоже полезно. Летом отломала себе кусок зуба в каком-то лагере для качков. Стала от этого еще смазливее.

Для учителей физкультуры Николь ну прямо свет очей. У нее есть Потенциал. Они смотрят на нее и видят будущие Чемпионаты Штата. Прибавки к зарплате. Однажды она забила нам тридцать пять раз, прежде чем моя команда пригрозила уйти с поля. Учитель поставил ее судить. Мы не только проиграли, но четыре девчонки пошли в медкабинет с травмами. Николь не любит церемониться. Ее спортивный девиз – «круши и мочи».

Если б она вела себя по-другому, было бы легче. Паршивый шкафчик, Хезер, которая вьется вокруг, как моль, холодное утро, когда сидишь в грязи и слушаешь, как тренеры расхваливают Николь, Принцессу-Воительницу, – это я готова вытерпеть и забыть. Но Николь ну прямо такая дружелюбная. Даже разговаривает с Хезер из Огайо. Сказала Хезер, где купить загубник, чтобы, если мяч прилетит в физиономию, не разрезать брекетами губу. Хезер теперь собирается завести себе спортивный лифчик. Николь ни разу не сволочь. Жаль, было бы гораздо легче ее ненавидеть.

Друзья

Рейчел со мной в туалете. Нет, поправка. *Рашель* со мной в туалете. Она поменяла имя. Рашель возвращается к европейским корням – тусуется с ребятами, приехавшими по иностранному обмену. Месяц и неделя в школе – а она уже научилась ругаться по-французски. У нее черные колготки со стрелками, подмышки она не бреет. Машет в воздухе рукой – и ты невольно начинаешь думать про молодых шимпанзе.

Поверить не могу, что мы были лучшими подругами.

Я пришла в туалет попытаться вставить на место правую линзу. Рашель размазывает тушь под глазами, чтобы выглядеть измученной и изможденной. Я думаю, не выскочить ли наружу, чтобы она снова на меня не зыркала, но в коридоре дежурит Волосатая, учительница английского, а я забыла пойти к ней на урок.

Я:

– Привет.

Рашель:

– М-м-м.

И что дальше? Сохранять полное, незыблемое спокойствие, будто все в норме. Думать про лед. Про снег.

Я:

– Ну как жизнь? – Пытаюсь вставить линзу, попадаю себе пальцем в глаз. Все в норме, ага.

Рашель:

– Х-гм. – Попадает кисточкой в глаз, трет его, размазывает тушь по лицу.

Не хочу я быть в норме. Хочу схватить ее за горло, потрясти и заорать, чтобы она перестала смешивать меня с дерьмом. Она даже не потрудилась узнать правду – и это называется подруга? Линза под веком складывается пополам. Правый глаз заливают слезы.

Я:

– Ай.

Рашель:

(Фыркает. Отходит от зеркала, поворачивает голову вправо и влево, восхищаясь черной мазней на скулах, которая напоминает гусиный помет.)

– *Pas mal*.³

Вставляет в рот карамельную сигарету. Рашель страшно хочется закурить, но у нее астма. Вот и придумала Новшество, какого в девятом классе еще не слыхивали. Карамельные сигареты. Ученикам по обмену страшно понравилось. Еще немного – начнет пить черный кофе и читать книги без картинок.

Девчонка, которая по обмену, спускает воду и выходит из кабинки. Прямо супермодель, а звать типа Грета или Ингрид. Америка – единственная страна, где все подростки жирные? Произносит что-то иностранное, Рашель смеется. Ага, так она и поняла.

Я:

Рашель выдувает колечко дыма из карамельной сигареты прямо мне в лицо. Сдувает меня. Меня будто бросили как горячий блин на холодный кухонный пол. Рашель и Грета-Ингрид выплывают из сортира. Ни у одной к каблукам не прилипла туалетная бумага. Где справедливость?

Мне нужна новая подруга. Нужна подруга – и точка. Не настоящая, не близкая, чтобы меняться одеждой, ночевать друг у друга, хи-хи-хи, фу-фу-фу. Просто псевдоподруга, подруга на время. Подруга как аксессуар. Чтобы не выглядеть полной дурой.

³ Неплохо (*фр.*).

Запись в дневнике за этот день: «Иностранный обмен ведет нашу страну к гибели».

Мне хезерно

Мы едем домой на автобусе, Хезер пытается силком затолкать меня в какой-то клуб. У нее появился План. Она хочет, чтобы мы вступили в пять клубов, по одному на каждый день недели. Главная проблема – найти клубы, где Подходящая Публика. Латинский клуб не подходит, Боулинг тоже. Хезер вообще-то любит боулинг – у нее в старой школе все играли, – но она посмотрела на наши дорожки и поняла, что Подходящая Публика туда ни ногой.

Мы доезжаем до дома Хезер, ее мама встречает нас у входа. Хочет знать, как прошел наш день, давно ли я тут живу, подкидывает всякие наводящие вопросы про моих родителей, чтобы выяснить, гожусь ли я в подруги для ее дочери. Мне пофиг. Молодец она, что вообще переживает.

В комнату к Хезер мы пойти не можем, потому что там еще ремонт. Забираем банку оранжевого попкорна и диетическую колу, лезем в подвал. Там ремонт уже сделали. И не скажешь, что это подвал. Ковер лучше, чем у нас в гостиной. В углу мерцает великанский телевизор, тут же бильярдный стол и спортивные тренажеры. Даже пахнет не как в подвале.

Хезер прыгает на беговую дорожку и продолжает строить планы. Она пока еще не полностью ознакомилась со школьными общественными организациями, но, с ее точки зрения, Международный Клуб и Избранный Хор для начала сойдут. Можем попробовать поучаствовать в мюзикле. Я включаю телевизор и лопаю ее поп-корн.

Хезер:

– Что делать будем? Ты куда хочешь вступить? Может, пойдем тьюторами к первоклашкам? – Она увеличивает скорость на дорожке. – А чего там твои прошлогодние друзья? Ты знакома с Николь? Но она вся такая спортивная, да? Я совсем не спортивная. Постоянно падаю. Ты что хочешь делать?

Я:

– Ничего. Клубы – дурь полная. Хочешь попкорна?

Она запускает дорожку еще быстрее, бежит со всех ног. Тренажер так громко гудит, что мне не слышно телевизора. Хезер грозит мне пальцем. Говорит, что это обычная ошибка всех девятиклассников – оставаться в стороне. Нечего бояться. Нужно проявлять инициативу, принимать активное участие в школьной жизни. Так завоевывают популярность. Она уменьшает скорость, вытирает лоб толстым полотенцем, которое висит сбоку. Несколько минут шагает, остывая, потом спрыгивает.

– Сто калорий, – сообщает она. – Хочешь попробовать?

Я содрогаюсь и протягиваю ей миску с попкорном. Она тянется мимо и берет ручку – школьную, фирменную, с пушистым шариком на конце – с кофейного столика.

– Нужно составить план, – произносит она торжественно. Рисует четыре клетки, потом пишет в каждой из них: «Четверть». – Ничего у нас не получится, если не поставим цели. Все так всегда говорят, и это суцая правда. – Открывает банку с кока-колой. – У тебя какие цели, Мел?

Я раньше тоже была как Хезер. Я что, так сильно изменилась за два месяца? Она довольная, заводная, в хорошей форме. У нее славная мама и крутой телик. Но она как собачка, которая постоянно запрыгивает тебе на колени. Постоянно ходит со мной по коридорам и болтает как заведенная.

Моя цель – добраться до дому и вздремнуть.

Прятаться

Вчера Волосатая выдернула меня из кабинета для самостоятельной работы и заставила делать «несданную» домашку у нее в кабинете (что-то там озабоченно фыркала себе под нос и бубнила о вызове родителей. Дело плохо). Сегодня никто не потрудился мне сказать, что самостоятельная работа будет в библиотеке. Когда я разобралась, урок уже почти закончился. Мне конец. Я попыталась все объяснить библиотекарше, но постоянно заикалась и несла какой-то бред.

Библиотекарша:

– Да ты успокойся. Все хорошо. Не переживай. Ты Мелинда Сордино, да? Не волнуйся. Я отмечу, что ты присутствовала. Смотри, как все устроено. Если понимаешь, что опаздываешь, попроси любого учителя дать тебе справку, что тебе разрешили опоздать. Ясно? А плакать незачем.

Поднимает повыше зеленый листочек – мой пропуск на выход из тюрьмы. Я улыбаюсь и пытаюсь выдать: «Спасибо», но слова не идут. Она думает, я обалдела от того, что меня не выругали. В принципе, так и есть. Подремать уже некогда, я перебираю книжки, чтобы порадовать библиотекаршу. Может, даже какую и прочту.

Но блестящая мысль приходит мне в голову не тогда. Рождается она, когда Мистер Череп вылавливает меня в столовой и требует домашку про «Двадцать способов выживания в лесу, которыми пользовались ирокезы». Я делаю вид, что его не вижу. Проталкиваюсь через очередь, огибаю парочку, которая тискается у дверей, шагаю по коридору. Мистер Череп застревает, чтобы прервать публичное проявление привязанности. Я шагаю в Старшее Крыло.

Я в чужом краю – Куда Не Ступала Нога Новичков. На меня таращатся, но мне вообще не до того. Слышу голос Мистера Черепа. Поворачиваю за угол, открываю какую-то дверь, шагаю в темноту. Придерживаю дверную ручку, но Мистер Череп до нее не дотрагивается. Шаги его шаркают дальше. Обшариваю стену возле двери, нахожу выключатель. Попала я не в класс. Это старая кладовка, где пахнет прокисшими губками.

На задней стене – полки с пыльными учебниками и парой бутылок отбеливателя. Из-под груды швабр и метел выглядывают замурзанное кресло и старомодная парта. Растрескавшееся зеркало нависает над раковиной, где валяются дохлые тараканы, переплетенные паутиной. Ручки кранов заржавели – не повернешь. Давно уже ни один уборщик тут не отдышал. У них теперь новая комната и кладовка рядом с разгрузочной. Девчонки туда не суются, потому что, когда мы проходим мимо, уборщики пялятся и тихонько свистят. Эта кладовка заброшена – ни надобности, ни названия. Как раз то, что мне нужно.

Сперла у Волосатой со стола стопку справок об опоздании. Сразу здорово полегчало.

Добыча дьяволов

Нынче в школе праздник «Наш класс лучше всех», что значит избавление от алгебры, а еще можно навести порядок в моей кладовке. Я принесла из дома несколько губок. Оно мне надо – сидеть в грязи? Нужно еще протащить сюда одеяло и вазочку цветочного попури.

План такой: двинуться в толпе к актовому залу, а потом нырнуть в сортир и там переждать. Мимо учителей просочиться – плевое дело, а вот про Хезер-то я и забыла. Только Спасительный Сортир появляется на горизонте, как Хезер окликает меня, подчаливает, хватает за руку. Она прямо лопается от гордости за родную школу – морда довольная, щеки пунцовые. И, видимо, твердо убеждена, что и я в полном восторге. Мы чапаем на это мозгопромывательство, и ее так и несет.

Хезер:

– Так здорово – наш класс лучше всех! Я помпонов наделала с запасом. Во, держи. Ух, помашем! В новом классе всегда энтузиазма больше всего, правда? Представляешь, если ты в футбольной команде и за тебя все болеют? Умереть можно от гордости. Ты как думаешь, наши сегодня победят? А я вот точно знаю, что победят. Пока у них не очень клеилось, но мы ж их заведем, правда, Мел?

Меня прямо корежит от ее восторгов, но на сарказм она явно не отреагирует. Ладно, не сдохну я на этом празднике. Хоть будет рядом с кем сесть – уже шаг вверх по социальной лестнице. Подумаешь, линейка!

Я собираюсь пристроиться у самой двери, но Хезер волочет меня на трибуны, к другим первогодкам.

– Я их знаю, – говорит она. – Мы вместе газету делаем.

Газету? У нас что, есть газета?

Она представляет меня каким-то бледнорожим типам. Парочку я смутно помню, остальные, видимо, ходили в другую среднюю школу. Я приподнимаю уголки рта, не кусая при этом губ. Хоть шажок. Хезер улыбается от уха до уха и вручает мне помпон.

Я слегка выдыхаю. Девчонка, сидящая сзади, стучает меня по плечу длинными черными ногтями. Слышала, как Хезер меня представляет.

– Сордино? – спрашивает она. – Ты Мелинда Сордино?

Я поворачиваюсь. Она выдувает черный пузырь, втягивает обратно в рот. Я киваю. Хезер машет знакомой на год постарше – та сидит напротив. Девушка стучит меня по плечу еще сильнее.

– Это ты вызвала копов на вечеринку Кайла Роджерса в конце лета?

Наш сектор трибуны превращается в кусок льда. Головы поворачиваются ко мне со звуком, напоминающим щелчок сотни камер папарацци. Пальцы у меня немеют. Я трясусь головой. Тут вступает еще одна девушка:

– Моего брата забрали с той вечеринки. Потом его за это уволили. Как ты вообще могла? Крыса.

Ты ничего не понимаешь, отвечает голос у меня в голове. Жалко, что она не слышит. Горло сжимается, как будто две руки с черными ногтями сцепились прямо на трахее. Я так старательно пыталась забыть каждую секунду этой дурацкой вечеринки, и вот теперь я посреди враждебной толпы – меня ненавидят за то, чего я не могла не сделать. Я не могу им рассказать правду. Я сама о ней не могу думать. В желудке шебуршится какой-то звериный звук.

Хезер тянется погладить мой помпон, потом отдергивает руку. Думаю: вот сейчас она встанет на мою защиту. Однако нет, нет. Я же могу помешать ее Плану. Я закрываю глаза. Дыши, дыши, дыши. Не говори ничего. Дыши.

В зал колесом влетают чирлидерши и дружно орут. Толпа на трибунах топает и голосит в ответ. Я закрываю голову руками и реву – выпускаю наружу звериный звук и часть той ночи. Никто не слышит. Слишком они увлеклись.

Оркестр худо-бедно исполняет песню, чирлидерши скачут. Кто-то, наряженный Синим Дьяволом, впиливается прямо в директора и срывает бурные аплодисменты. Директор Директор улыбается и пробует нас утихомирить. С начала занятий прошло всего полтора месяца. Он не полностью утратил чувство юмора.

Тут в зал вваливаются наши собственные Дьяволы. Мальчишки, которых в младшей школе оставляли после уроков за избиение одноклассников, а теперь их за это хвалят. Называется «футбол». Тренер представляет команду. По мне, они все на одно лицо. Тренер Урод держит микрофон слишком близко ко рту, слышно только, как он пыхтит и плюется.

Девушка, которая сидит сзади, вдавливая колени мне в спину. Они у нее поострее ногтей. Я чуть сдвигаюсь вперед и пристально разглядываю команду. Девушка, у которой арестовали брата, нагибается вперед. Хезер трясет помпонами, а девушка дергает меня за волосы. Я чуть ли не забираюсь на спину пацану, который сидит спереди. Он оборачивается и злобно на меня смотрит.

Тренер наконец-то отдает обслуживленный микрофон директору, тот представляет нам наших ненаглядных чирлидерш. Они разом садятся на шпагат, толпа слетает с катушек. Чирлидерши у нас куда лучше умеют набирать очки, чем футболисты.

Чирлидерши

Их у нас двенадцать: Дженни, Джен, Дженна, Эшли, Эрли, Эмбер, Колин, Кейтлин, Марси, Доннер, Блицен и Черна. Черна – капитан. Полная блондинка.

Родители не воспитали во мне религиозных чувств. Мы поклоняемся единственной троице – Виза, Мастер Кард и Американ Экспресс. Наверное, я не просекаю этих наших чирлидерш, потому что не ходила в воскресную школу. Видимо, тут какое-то чудо. Иначе быть не может. Как еще они могут в субботу спать с футболистами, а в понедельник возрождаться в виде богинь-девственниц? Они будто существуют в двух реальностях одновременно. В одной Вселенной – такие красотки с ровными зубами, длинными ногами, в дизайнерских шмотках, на шестнадцатилетие каждой в подарок по спорткарю. Учителя им улыбаются и ставят «отлично» ни за что. Они знают всех сотрудников по именам. Они – Гордость Троянцев. Ой, простите: Гордость Синих Дьяволов.

Во Вселенной № 2 они устраивают крутые вечеринки – на которые можно заманить даже студентов. От них несет мужиколоном. На весенние каникулы они арендуют приморские домишки в Канкуне, а перед выпускным делают аборт по оптовой цене.

И все же какие милочки. Они подбадривают наших мальчиков, подталкивают их к насилию и, будем надеяться, к победе. Наши ролевые модели – Девушки, Которым Дано Все. На спор: ни одна из них не знает, что такое заикаться, облажаться, почувствовать, что мозги превратились в манную кашу. У всех дивные губки, аккуратно подведенные красным и отлакированные до блеска.

После праздника меня случайно сталкивают вниз с третьего ряда трибуны. Если у меня появится свой клан, мы будем называться «Античирлидерши». И не будем сидеть на трибунах. Будем бродить под ними, устраивая всякие мелкие шабашки.

АНТОНИМ «ВДОХНОВЕНИЯ»... «ВЫДОХНОВЕНИЕ»?

Целую неделю после праздника я рисую акварели деревьев, в которые попала молния. Пытаюсь сделать деревья мертвыми, но не совсем. Мистер Фримен мне про них ни слова. Только поднимает брови. Одна картинка такая темная, что деревья почти не видно.

Вляпалась не одна я. Айви вытащила слово «Клоуны». Объявила мистеру Фримену, что терпеть не может клоунов: клоун ее в детстве напугал, она потом ходила к психологу. Мистер Фримен на это: страх – прекрасная отправная точка для творчества. Еще одна девица ноет, что «Мозг», с ее точки зрения, какая-то гадость. Ей бы «Котиков» или «Радугу».

Мистер Фримен всплескивает руками.

– Довольно! Попрошу посмотреть на книжные полки. – Мы послушно смотрим. Книги. У нас тут урок рисования. Нафиг нам книги? – Кто недоволен, может ознакомиться с творчеством великих мастеров. – Вытаскивает целую охапку книг. – Кало, Моне, О’Киф, Поллок, Пикассо, Дали. Они не жаловались на свой предмет, они из каждого предмета вычерпывали весь смысл до доньшка. Да, их школьный совет не заставлял рисовать с руками, связанными за спиной, у них были покровители, которые понимали, что им нужны деньги на самое необходимое: бумагу и краски...

Вой в классе. Опять завелся про школьный совет. Школьный совет сократил ему бюджет на расходные материалы, сказал, что хватит прошлогодних запасов. Никаких новых красок и бумаги сверх нормы. Теперь будет брюзжать до конца урока, сорок три минуты. В классе жарковато, всюду солнце и испарения красок. Трое спят мертвым сном – с подергиваньем век и храпом, все как положено.

Я не сплю. Вырываю страничку из тетради, ручку, изображаю дерево – как рисовала во втором классе. Бредятина. Сминаю страничку в шарик, выдергиваю еще одну. Во проблема – изобразить дерево на листе бумаги. Две вертикальные линии – ствол. Парочка толстых веток, несколько веточек потоньше, куча листьев, чтобы прикрыть все ошибки. Рисую горизонтальную линию – это земля, маргаритку, которая растет рядом с деревом. Что-то мне кажется, что мистер Фримен не разглядит в этом никакой особой духовности. Лично я ее там не вижу. Поначалу он мне казался таким классным. А теперь что – бейся мы с этим дурацким заданием вообще без всякой помощи?

Спектакли

В День Колумба у нас выходной. Я иду в гости к Хезер. Хотела поспать подольше, но она такая – «ну пожалуйста-пожалуйста», приходи. По телевизору все равно ничего интересного. Мама Хезер разыгрывает спектакль, будто страшно мне рада. Делает нам по чашке шоколада – берите с собой наверх, пытается убедить Хезер, что нужно позвать целую компанию, да еще и с ночевкой.

– Может, Мелли приведет своих друзей.

Я решаю не упоминать, что в этом случае Рейчел, скорее всего, перережет мне горло и испортит ей новый ковер. Скалюсь, как положено воспитанной девочке. Мама Хезер гладит меня по щеке. Я почти научилась улыбаться, когда от меня этого ждут.

Комнату Хезер обставили, можно хвастаться. У нее она не как у пятиклашки. И не как у девятиклашки. А как реклама пылесосов – везде свежая краска и полоски от щетки пылесоса на ковре. На сиреневых стенах несколько выпендренных гравюр. В книжном шкафу стеклянные дверцы. Свой телевизор и телефон, домашка аккуратно сложена на столе. Платяной шкаф чуть приоткрыт. Я открываю пошире, ногой. Все ее шмотки терпеливо дожидаются на плечиках, развешанные по типу: юбки вместе, брюки во весь рост, свитера рассованы по мешкам на полках. Комната просто орет: я – Хезер. Почему я так не умею? Нет, я не хочу, чтобы моя комната орала: «Я – Хезер!» – проще повеситься. Но хоть бы шепнула: «Мелинда». Я сажусь на пол и просматриваю ее сидишки. Хезер красит ногти на бюваре и болтает. Она точно будет участвовать в мюзикле. В клан «Музыкашки» так просто не прорвешься. У Хезер ни таланта, ни связей – я ей говорю, чтобы даже и не мечтала попусту. Она считает, что нам стоит попробовать вместе. Я считаю, что она нанюхалась лака для волос. Мое дело – кивать или качать головой, говорить: «Прекрасно тебя понимаю», если не понимаю, и «Да, зря они так», когда вовсе не зря.

Я бы с мюзиклом хорошо справилась. Умею я разыгрывать спектакли. У меня целый ассортимент улыбок. Для школьного начальства – застенчивая, исподлобья, для учителей, когда вызывают, – с прищуром, плюс еще быстро мотнуть головой. Если родители спрашивают, как дела в школе, я вскидываю брови ижимаю плечами. Когда на меня указывают пальцем или перешептываются за спиной, я машу рукой воображаемым друзьям в конце коридора и спешу им навстречу. Вылечу из школы – пойду в мимы.

Хезер спрашивает, почему я так уверена, что нас не возьмут в мюзикл. Я отхлебываю шоколад. Обжигаю небо.

Я:

– А мы никто.

Хезер:

– Как ты можешь такое говорить? Откуда у всех такое отношение? Не понимаю я этого. Если мы хотим участвовать в мюзикле, нас обязаны взять. Не нравится, как мы поем, пусть хотя бы дадут постоять на сцене. Да, зря они так. Паршивая все-таки у нас школа.

Она сталкивает книги на пол, роняет пузырек с зеленым лаком на ковер песочного цвета.

– Почему здесь так трудно обзавестись друзьями? Вода, что ли, отравленная? В старой школе я могла и в мюзикле участвовать, и газету делать, и руководить мытьем машин. А тут я как будто не существую. Меня толкают в коридоре, никуда не берут, всем наплевать. И от тебя толку ноль. Тебе все не так, ты ничего не хочешь попробовать, сидишь и дуешься – тебе вообще без разницы, что о тебе говорят за спиной.

Она плюхается на кровать и громко ревет. Охи-вздохи плюс расстроенный писк, когда она бухает кулаком по своему плюшевому медведю. Я не знаю, что делать. Пытаюсь стереть лак с ковра, но пятно только расплывается. Похоже на водоросли. Хезер сморкается в клетча-

тый шарфик медведя. Я выскальзываю в ванную, приношу еще коробку салфеток и пузырек жидкости для снятия лака.

Хезер:

– Мелли, ну прости меня. Я сама не знаю, чего наговорила. Предменструальный синдром, не обращай внимания. Ты такая добрая. Я только тебе и могу до- верить.

Она громко сморкается, вытирает глаза рукавом.

– Ну посмотри на себя. Ты прямо как мама. Она говорит: «Плакать нет смысла, просто живи дальше». Я знаю, что мы сделаем. Сперва приедемся к какой-нибудь хорошей компании. Чтоб нас там полюбили. А через год «Музыкашки» сами будут нас зазывать в мюзикл.

В жизни не слышала такого дурацкого предложения, однако киваю и выливаю жидкость на ковер. Лак светлеет – теперь он похож на ярко-зеленую блевотину, ковер рядом белеет. Увидев, что я натворила, Хезер снова ударяется в слезы – рыдает, что я тут ни при чем. У меня крутит живот. В ее комнате маловато места для такого накала чувств. Ухожу, не попрощавшись.

Театр за ужином

Предки издают какие-то грозные звуки, ужин превращается в спектакль, Папан изображает Арнольда Шварценеггера, а Маман – Глен Клоуз в одной из ее психопатических ролей. Я – Жертва.

Маман [кривая улыбочка]: Решила, с нами уже можно не считаться, да, Мелинда? Совсем взрослая, учишься в старшей школе – можно не показывать родителям домашнее задание, можно не рассказывать про плохие отметки?

Папан [бухает кулаком по столу, тарелки подсакивают]: Ладно, без соплей. Она сама все знает. Нам сегодня прислали твои оценки. Так вот, слушай внимательно. Повторять не буду. Либо берешься за ум, либо пеняй на себя. Ясно? Берешься за ум! [Набрасывается на печеную картофелину.]

Маман [расстроена – ее переиграли]: Я сама разберусь. Мелинда. [Улыбается. Зрителей пробирает дрожь.] Мы же многого не просим, доченька. Просто старайся как можешь. А мы знаем, что ты можешь гораздо больше. Ты так хорошо училась, доченька. Смотри на меня, когда я говорю.

[Жертва перемешивает творог с яблочным соусом. Папан фыркает, точно бык. Маман сжимает рукоятку ножа.]

Маман: Я сказала – смотри на меня.

[Жертва добавляет к творогу и яблочному соусу горох, смешивает дальше. Папан кладет вилку.]

Маман: Живо на меня посмотрела.

Это Глас Смерти, причем Смерти без дураков. Когда я была маленькой, могла от этого Гласа описать. Теперь все не так просто. Я смотрю на Маман в упор, ополаскиваю тарелку и ухожу к себе. Лишившись Жертвы, Маман и Папан орут друг на друга. Я включаю музыку, чтобы не слышать.

Синие розы

После вчерашнего допроса пытаюсь позаниматься биологией. Мы проходим клетки, а в них там эти штучки, которые не разглядеть без микроскопа. Нам дали настоящие микроскопы, а не подделку из дешевого магазина. Нормально так.

Учительница у нас – мисс Кин. Мне ее немножко жалко. Могла бы стать знаменитым ученым, или врачом, или еще кем. Вместо этого попала к нам. У нее в классе у доски разложены деревянные ящики, она на них взбирается, когда с нами разговаривает. Если бы она не трескала столько мучного, была бы похожа на миниатюрную куколку-бабушку. Но фигура у нее как из желатина и обычно запихнута в оранжевый полиэстер. От баскетболистов она шарахается. С высоты их роста она, наверное, похожа на баскетбольный мяч.

Мой партнер по лабораторным – Дэвид Петракис. Из клана «Кибергении». Наверное, будет с виду очень ничего, когда ему снимут брекеты. Он такой умный, что даже учителя нервничают. Такого, по идее, должны лупить почем зря, но наши драчуны его не трогают. Нужно выведать его тайну. Дэвид по большей части меня в упор не видит, заметил только, когда я едва не сломала микроскоп за триста баксов, повернув ручку не в ту сторону. Это было в тот день, когда мисс Кин надела красное платье с ярко-синими розами. Охренеть. Нужно запретить учителям такое на себя напяливать, не предупредив заранее. Ученики могут очочуриться. Несколько дней только и разговоров было, что про это платье. Больше она в нем не появлялась.

Ученик в скобках смятения равняется алгебре

Я забираюсь за парту за десять минут до конца урока алгебры. Мистер Стетман долго пилится на мою справку об опоздании. Я вытаскиваю чистый лист бумаги, чтобы списать примеры с доски.

Сию я на заднем ряду, откуда мне видно всех, а также что происходит на парковке. Себя я считаю Сигнальной Системой всего класса. Планирую учебные тревоги. Как будем выбираться после взрыва в химической лаборатории? Допустим, в центре Нью-Йорка случится землетрясение? Или торнадо?

Сосредоточиться на алгебре невозможно. У меня с математикой вообще-то не полная труба. В прошлом году я была лучшей в классе – за это Папан купил мне новый велосипед. Математика – штука простая, потому что там все однозначно. Есть правильный ответ, есть неправильный. Дай мне целую страницу примеров, я девяносто восемь процентов решу правильно.

Но алгебра какая-то непостижимая. Я знала, зачем учить таблицу умножения. Понимать простые и десятичные дроби, проценты и даже геометрию – все это очень полезно. Патом пригадицца. Все было так просто – я и не задумывалась. Просто решала. Получала «отлично».

Но алгебра? Дня не пройдет, чтобы мистера Стетмана не спросили, нафиг нам эта алгебра. Видно, что ему это как ножом по сердцу. Мистер Стетман алгебру любит. Он про нее прямо стихи слагает, разливаётся насчет всяких там интегралов. Как некоторые мужики рассуждают про машины, так он – про алгебру. Спроси у него, почему алгебра, – и слушай потом тысячу историй, почему алгебра. Одну другой бредовее.

Мистер Стетман спрашивает, может ли кто объяснить роль мать-его-члена в доказательстве от противного. Хезер поднимает руку. Отвечает неправильно. Стетман решает еще попробовать. Я? С грустной улыбкой мотаю головой. Не сейчас, лет этак через двадцать. Он вызывает меня к доске.

Мистер Стетман:

– Ну, кто поможет Мелинде понять, как решается эта задача? Рейчел? Отлично.

Голова у меня взрывается от воя пожарных машин, выезжающих по вызову. Короче, достукалась. Рейчел/Рашель шлепает к доске, вся в таком голландском/скандинавском прикиде. Пусечка, да еще и с претензией. Глаза – два красных лазера – прожигают мне лоб. На мне заношенные и занюханые шмотки: вонючая серая водолазка и джинсы. Я только сейчас вспомнила, что не помыла голову.

Губы у Рашель шевелятся, рука скользит по доске, выводит смешные числа и закорючки. Я втягиваю нижнюю губу подальше между зубами. Может, если постараться, получится проглотить себя полностью. Мистер Стетман что-то бубнит, Рашель хлопает глазами. Толкает меня в бок. Нам обеим нужно садиться. Идем по местам, все хихикают. Я, как могу, стараюсь себя не съесть.

Мозгам моим не просечь, зачем мы валандаемся на этой алгебре. Мало, что ли, вещей поважнее. А жалко. Мистер Стетман вообще-то мужик неплохой.

Хэллоуин

Родители выдали: ты уже большая, не пойдешь собирать конфеты. Вот счастье. Не придется им говорить, что никто меня и не приглашал. Но Папану с Маман это знать незачем. Чтобы не проколоться, с топотом ухожу к себе и хлопаю дверь.

Выглядываю в окно. По дорожке шагает компания малышни. Пират, динозавр, две феи и невеста. Почему на Хэллоуин никто не одевается женихом? Родители их болтают на тротуаре. Ночь опасная, без родаков никуда – долговязые призрак в хаки и пуховиках тащатся вслед за мелкими.

Звонок в дверь. Родители препираются, кто пойдет открывать. Потом Маман, чертыхнувшись, открывает с визгливым: «Ух ты, кто это к нам пришел?» Похоже, каждому мелкому она выдала всего лишь по крошечной шоколадке – благодарят они без всякого энтузиазма. Малышня через двор топает к следующему дому, родители следом, по улице.

В прошлом году весь наш клан оделся ведьмами. Собрались у Айви, потому что у нее и ее старшей сестры есть театральные гримы. Менялись одеждой, натягивали дешевые черные парики. Лучше всех выглядели мы с Рейчел. На деньги, заработанные бэбиситтингом, купили черные атласные плащи на красной подкладке. Обалденные. Вечер был необычно теплый и зловещий. Термобелье не понадобилось, в небе ни облачка. Поднялся ветер, под полной луной неслись облачка, а она там висела, чтобы мы ощутили свою мощь и силу. Мы мчались в ночи – клан неукротимых ведьм. На какой-то миг я даже подумала, что мы умеем накладывать чары, превращать людей в лягушек или кроликов, наказывать злых и награждать добрых. Конфет набрали пропасть. Когда родители Айви ушли спать, мы зажгли в совершенно темном доме свечу. Подходили с ней к старинному зеркалу, чтобы узнать свое будущее. Я ничего не разглядела.

В этом году Рашель идет на праздник в семью, где живет одна из девчонок, приехавших по обмену. Я слышала, как она говорила про это на алгебре. Знала, что меня не пригласят. С моей репутацией меня и на собственные похороны пригласят с пятого раза. Хезер пошла с малышкой из своего района, чтобы их родителям не мотаться по улице.

Я подготовилась. Не намерена я всю ночь дуться у себя в комнате и слушать родительские скандалы. Взяла в библиотеке книгу «Дракула» Брэма Стокера. Классное название. Залезла к себе в гнездышко с мешочком попкорна и монстром-кровососом.

Имя имя имя

После Хэллоуина школьный совет возбужнул – чего это мы вдруг дьяволы. Мы теперь «Тигры Мерриуэзера». Вот счастье.

Кружок экологов собирается устроить протест против «невнимания к вымирающим видам». Все в школе только об этом и говорят. Особенно на уроках. Мистер Череп в стероидной ярости, верещит про Мотивацию, Идентичность и священный Дух Школы. Такими темпами мы и до промышленной революции не добе-ремся.

На испанском меня задразнили. Linda по-испански значит «красивая». Шуточка что надо. Училка-Испанка вызывает меня по имени. Очередной комик пищит:

– No, Melinda no es linda.⁴

До конца урока я у них Ме-но-линда. Вот из такой невинной ерунды и рождаются террористы. Я думаю, не поздно ли перевестись на немецкий.

Только что придумала отличную теорию, которая все объясняет. На той вечеринке меня похитили инопланетяне. Создали ненастоящую Землю и ненастоящую школу, чтобы там изучать меня и мои реакции. Тогда понятно, почему в столовой так кормят. Остальное все равно непонятно. Юмор у инопланетян как в дурдоме.

⁴ Нет, Мелинда не красивая (*исп.*).

Марты

Хезер нашла себе клан – «Марты». Теперь она там новенькая на испытательном сроке. Как ей это удалось, я без понятия. Похоже, не без подкупа. Это часть ее стратегии по отвоеванию себе места в школе. Мне полагалось бы тоже примазаться. Но не к «Мартам» же!

В клан этот без денег не сунешься: у всех одинаковые наряды, новенькие и по сезону. На осень – в клеточку, со свитерами в тон, и чтобы они были цветов, которые называются в честь фруктов, типа абрикосовый или гранатовый. На зиму – шотландские пуловеры, толстые шерстяные штаны и заколки в рождественском стиле. Что нужно купить к весне, Хезер пока не сказала. Предполагаю – юбку с гусями и белую блузку с утками, вышитыми на воротнике.

Говорю Хезер: еще немножко по дорожке такой моды – и станешь пародией на эти, пятидесятые, этакая невинность с яблочным пирогом. Она полагает, что Вожди Клана – Мег-Эмили-Шиван – не поймут про пародию. Очень уж они любят правила.

«Марты» всем помогают. У них и название в честь кого-то из Библии (первая Предводительница Клана стала миссионеркой в Лос-Анджелесе). Но теперь образец для них – Другая Марта, Святая Марта Клеевого Пистолета, дама, которая пишет книги про то, как украшения поднимают настроение. То, что надо богатеньким старшеклассницам. «Марты» организуют начинания и делают добрые дела. Для Хезер – то, что доктор прописал. По ее словам, они развозят консервы, делают уроки с младшеклассниками, проводят марафоны, танцафоны и качалкафоны – собирают деньги на всякую фигню. А еще Делают Приятное учителям. Фу.

Первое задание, которое дали Хезер, – украсить учительскую к празднованию Дня благодарения / педсовету. Она поймала меня после испанского и умолила ей помочь. Считает, что «Марты» дали ей заведомо невыполнимое задание, чтобы потом выгнать. Мне всегда было интересно, какая учительская изнутри. Слухи-то ходят всякие. Там правда кушетка для тех, кому нужно вздремнуть? Огромные коробки салфеток для тех, у кого истерики? Удобные кожаные кресла и личный дворецкий? А секретные досье на всех учеников?

На самом деле – занюханная комнатуха с грязными окнами и застоялым табачным духом, хотя курение в школе уже сто лет как запрещено. Вокруг покоянного стола металлические складные стулья. На одной стене – доска для объявлений, некоторые висят там с тех пор, как американцы высадились на Луне. Гляжу вокруг – никаких секретных досье. Наверное, они в кабинете директора.

Мне поручено сделать украшение на стол из навошенных кленовых листьев, желудей, лент и километра тонкой проволоки. Хезер накроет на стол и повесит плакат. Она чего-то там талдычит про уроки, пока я один за другим порчу листья. Спрашиваю, не поменяться ли нам, пока я себя не покалечила насмерть. Хезер аккуратно выпутывает меня из проволоки. Держит пук листьев в одной руке, обматывает черенки проволокой – раз-два, – закрывает проволоку лентой и приклеивает на место желуды. Обалдеть. Я быстренько накрываю на стол.

Хезер:

– Ну, чего скажешь?

Я:

– Ну ты вообще.

Хезер [закатывая глаза]:

– Да нет, глупая! Ты про это что думаешь? Про меня! Думаешь, меня возьмут? Мег со мной очень мила, каждый вечер звонит, просто поговорить. – Обходит стол, поправляет вилки, которые я только что положила. – Ты смеяться будешь, но мне в прошлом месяце было так плохо, что я просила родителей отправить меня в пансион. А теперь появились друзья, я научилась открывать шкафчик [пауза, она морщит нос], и все наладилось!

Выдавливает ответ мне не приходится, потому что в учительскую вваливаются Мег-Эмили-Шиван с подносами мини-кексов и ломтиками яблок в шоколадной глазури. Увидев меня, Мег поднимает бровь.

Я:

– Спасибо, что помогла с домашкой, Хезер. Очень кстати.

Выскакиваю за дверь, оставляю ее приоткрытой, чтобы узнать, что будет дальше. Хезер стоит по стойке смирно, пока они инспектируют ее работу. Мег берет украшение и осматривает со всех сторон.

Мег:

– Неплохо.

Хезер заливается краской.

Эмили:

– А что это за девчонка?

Хезер:

– Так, подружка. Первая, кто тут со мной вообще начал общаться.

Шиван:

– Страхолюдина. Что у нее с губами? Как будто больная какая-то.

Эмили подносит к глазам часы (ремешок в тон бантику в волосах). Пять минут. Хезер должна свинтить до прихода учителей. Пока ты на испытательном сроке, все твои лавры принадлежат другим.

Я прячусь в туалете до ухода автобуса Хезер. Соленые слезы приятно покалывают губы. Отмываю в раковине лицо, и вот от него ничего не остается: ни глаз, ни носа, ни губ. Гладкая пустота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.